

Гарри **БАРДИН:**

Вет. клуб - 2000 - 7
шолл. - 47.

ГОТОВ ИМЕТЬ ДЕЛО СО ВСЕМИ, КРОМЕ НТВ

Фото Игоря ИВАНДИКОВА

Гарри Бардину принадлежат самые оригинальные идеи в российской анимации. Он снял культовую мультмелодраму об автомобильной любви — «Дорожная сказка», сделал жесткий «Брэк» — фильм, где на ринге сражаются пластилиновые боксеры. Потом решил показать кино, где действуют веревки — это картина «Брак». Затем сочинил мультисторию «Банкет», в которой живут только роскошные блюда на банкетном столе и человеческие голоса. В его последнем фильме «Адажио» толпа серых бумажных птиц, мучимая садистским инстинктом, уничтожает птицу из белого листа бумаги.

— В какое время вам работаться свободнее — когда вы начинали карьеру или сейчас?

— Я начинал в 75-м году... Понимаете ли, я не могу ругать никакое время, потому что считаю, что художник должен быть свободен не вне себя, а внутри себя. Или он свободен — или он раб! А вот если он раб, тогда на него время и влияет.

Преодоление трудностей было и будет всегда. Тогда были одни трудности, сегодня — другие. Но преодоление всегда остается. В моей жизни еще не было такого, чтобы по укатанной дороге, при больших деньгах, при полном благожелательстве со всех сторон, при поддержке государства и общественности я бы создавал то, что в итоге создавал. Этого никогда не будет!

— Не будет в нашей стране. А в других?

— В других? Может быть. Допускаю. Но... Мне предлагали в 92-м году остаться в Америке. Предлагал президент студии Уолта Диснея. Да, это сулило очень обеспеченную в материальном смысле жизнь. Но это тоже диктат сверху, понимаете? А мне свобода дороже. Так что это палка о двух концах. Что ты выбираешь для себя. Вот у нас недавно был спор — что такое 37-й год. Тогда для каждого гражданина существовал выбор — быть жертвой или палачом. Я лично выбираю роль жертвы и ни при каких обстоятельствах не допускаю для себя роль палача.

— А вам не кажется, что некоторые ваши слова носят декларативный характер? Я тоже предпочитаю не быть палачом, но внутри себя всегда сомневаюсь, потому что не знаю, что будет на самом деле, если меня поставят к стенке. Я не

уверена, что смогу повторить подвиг Зои Космодемьянской.

— В процессах 37-го года многие люди оговаривали себя. И я не гарантирую, что под пытками смогу держаться до конца. Но под пытками убить другого человека я не смогу никогда... Думаю, что все-таки не смогу.

— Сегодня широко дискутируется вопрос о возврате нашего государства к полицейским методам взаимодействия с обществом. Как вы относитесь к подобной перспективе?

— Поживем — увидим. Два дня назад я просматривал фотографии... И одна фотография оказалась самой страшной для меня — общий план, чутунная ограда какого-то сада в Киеве, зелень, листва, моя мама стоит на общем плане... На ней легкий летний плащ, под которым бутрится се-

мимесичный живот — там я. Это начало июня сорок первого года. Мама не знает, что ей предстоит через две недели, как она будет колесить через всю страну на открытых платформах, чтобы разродиться мной в Оренбурге.

— Почему же это самая страшная фотография?

— Потому что человек не знает своих перспектив. Вот мама идет по киевскому саду в сорок первом... Вокруг солнце и листва... А что дальше?! Нам не дано предугадать... Но зачем предполагать впереди худшее, мне приятнее предполагать лучшее.

— Вы позитивист?

— В общем — да. Нам самой жизнью отпущено предопределение смерти, и если все время думать о ней, то мы и жить не будем. Нам останется лишь существовать в ожидании смерти.

— Какие фильмы вы могли бы назвать стопроцентно «вашим кино»?

— «Мое кино» — это то кино, которое заставляет меня думать и переживать не только во время просмотра, но и после него. Вот я посмотрел «Красоту по-американски» — это кино, которое оставило во мне след, и я вспоминаю о нем периодически. Это потрясающий фильм. И тенденция Американской киноакадемии — уйти от разрыва между зрительским восприятием и лабораторией. Кино, которое не является зрелищем, — это кино для себя любимого. Нет и не может быть актера без зрителя. Это нонсенс. Кино без зрителя — это тоже нонсенс. Потому что кинофильм — это продукт для массового потребления.

— Но ваши фильмы, на мой взгляд, как раз скорее элитарный продукт, нежели массовый. Начиная от сюжетов до предметов, которые выбраны в качестве мультипликационных материалов.

— Да Бог с вами!!! Какое оно элитарное, ну... Я видел реакцию зрителей в разных странах мира... Там, где смеются у нас, в том же месте смеются и в Италии, и в Америке, и в Японии. Мои мультфильмы экспериментальные, но не элитарные.

— Когда мне говорят слово мультфильм, я представляю «Чебурашку», «Ну, погоди!», «Том и Джерри»... Ваше кино на все это не похоже.

— Есть омары и есть жвачка. Вы хотите меня отнести к омарам?

— Ну не к жвачке же.

— Нет. Но я бы не отнес себя и к омарам. Хороший украинский борщ с галушками! Качественная вещь, но понятная. Я не на высокобых расчитываю. Я рассчитываю на умных и эмоциональных людей.

— У нас нет проката — как вы свою продукцию будете доводить до зрителя?

— Пока не знаю. Я закончил мультфильм «Адажио», но ко мне никто не обращается с предложением его купить, чтобы показать на каком-то телеканале. Хотя... если это предложение будет исходить от НТВ — я откажусь.

— Почему?

— НТВ предложило мне не так давно показать «Кота в сапогах» — два раза за 200 долларов. Я в ответ предложил им за рубль. И они не постеснялись и показали. За двести рублей. У них нет в договоре рубля, поэтому они нашли в реестре двести рублей. Естественно, я эти деньги не стал получать. Представляете, полутораговую работу целого творческого коллектива покупать (не у меня, а у моей киностудии) за двести долларов! Я им сказал, что если бы я был сантехником и надо было бы четыре крана поменять за такую сумму — это куда ни шло. А фильм за эти деньги покупать... — Если вы с кем-то ругаетесь... — ...то я не хлопаю дверью.

— Оставляете за собой право и возможность вернуться?

— Вернуться? Нет, я никогда в одну и ту же воду дважды не вступаю. Я закрываю дверь без хлопая, без криков, без плевков в лицо, но если я ушел — значит, ушел.

— Что вы предпримете, если ваш сын попадет в сложную ситуа-

цию, я имею в виду его профессиональную деятельность. Предположим, его выдвинут на какую-то премию, а 38 человек подпишут бумажку о том, чтобы ему эту премию не давали, — вы вступитесь?

— Да, более того, я вам скажу, что уже выступил «за». Не знаю стоит ли об этом писать... Мой сын получил на фестивале «Киношок» приз за сценарий. Потом была ссора среди членов жюри, потому что Мережко втянул в число номинантов какого-то грузина, которого никто не читал. И из-за ссоры жюри, несмотря на то, что Павла приветствовали по телевидению как лауреата, оказалось, что приза уже нет. Так есть или нет? Тогда я встал на защиту, потому что он не мог сам за себя вступить. Я бы сам за себя тоже не стал вступать в спор... Но в такой ситуации, я пришел к Голутве и спросил: «Что происходит? Получил мой Павел приз или нет?» На что уже Голутва официально ответил: «Да». Но если бы это был мальчик из Сызрани, а папа его был бы водопроводчик, то, к сожалению, этот мальчик ничего бы не получил.

— Почему?

— Да потому что папа его не дошел бы до Голутвы! И не постучал бы в его кабинет, как это могу сделать я.

— Вы бескомпромиссный человек?

— Нет, я компромиссен до определенного предела, но я не люблю когда унижают мое человеческое достоинство.

— Массовая семейственность в искусстве явление плодотворное или негативное?

— Ну, это настолько индивидуально...

— Хорошо: когда вы видите бездарного отпрыска талантливого папы, вам кажется это нормой? Издержками культурного процесса?

— Ну конечно же нет! В культуре не должно быть блат и протекции.

— И вы можете подойти к кому-нибудь из них и честно сказать — нет у тебя способностей, поэтому уйди-ка лучше со сцены, из кино, из театра!

— Нет, не смогу. Вот вы можете облить себя керосином на Красной площади?

— Но это же разные вещи.

— В принципе, подойти к человеку и сказать то, что вы мне предлагаете, — это поступок. Почему, например, вы, критики, не говорите режиссеру Сокурову, что король — голый?

— Вам не нравится то, что делает Сокуров?

— Безусловно. Критики дали ему неверные ориентиры, и он, идя у них на поводу, делает одну ошибку за другой.

— Назовите один из неверных ориентиров.

— Он чувствует себя наместником Тарковского в России, начиная от усов и кончая прической... И длинными планами в кино. Но длинные планы не должны быть занудными. Кино не должно быть скучным. Это — зрелище. Оно может быть интеллектуальным, но не скучным. А вы решили, что раз скучно, значит интеллектуально. Нет! То, что скучно — то и занудство. И Сокурова губите вы.

Встречалась
Елена КУТЛОВСКАЯ